SOOME-UGRI KIRJANDUS-KOHVIK

9 KARJALA

Eesti Kirjandusmuuseumi folkloristika osakond
Отдел фольклористики Эстонского литературного музея

SOOME-UGRI KIRJANDUSKOHVIK

9

KARJALA

Tartu 2024
EKM Teaduskirjastus
Научное издательство ЭЛМ

Koostajad ja toimetajad: Sergey Troitskiy, Nikolay Kuznetsov
Составители и редакторы: Сергей Троицкий, Николай Кузнецов

Keeletoimetaja / Языковой редактор: Asta Niinemets / Аста Нийнемец

Kommentaari autor: Jaan Õispuu
Автор комментария: Яан Ыйспуу

Kujundus / Дизайн: Sergey Troitskiy / Сергей Троицкий
Küljendus/Вёрстка: Sergey Troitskiy, Diana Kahre / Сергей Троицкий, Диана Кахре

Veebikujundus / Дизайн сайта: Andrus Tins / Андрус Тинс

Veebilehekülg: https://www.folklore.ee/rl/fo/tegevus/sukk/SUKK9/

Projekti “Soome-ugri kirjanduskohvik (SUKK)” läbiviimist toetab Hõimurahvaste programm (HTM).

ISSN 3059-5630 (veeb / электронное издание)
ISBN 978-9916-742-26-6 (pdf / электронное издание)
ISSN 2806-3694 (trükis / печатное издание)
ISBN 978-9916-742-11-2 (trükis / печатное издание)

© Eesti Kirjandusmuuseum / Эстонский литературный музей 2024
© autorid ja tõlkijad / авторы и переводчики

Aleksandr Volkov (1928–2020) oli nõukogude ja karjala luuletaja, kirjanik, tõlkija, Karjala Vabariigi rahvakirjanik. Ta sündis 25. detsembril 1928 Karjala ANSV Dessoilu külas suures talupojaperes. 1937. aastal represseeriti valekaebuse alusel tema isa ja ema kasvatas üksi kuus last. Tal on olnud palju elukutseid. 1959. aastal lõpetas Volkov Karjala Pedagoogilise instituudi. Samal aastal avaldati tema esimesed luuletused, 1966. aastal pälvisid ta karjalakeelsed luuletused auhinna. 1993. aastal ilmus esimene luuleraamat "Маленькая Дессойла" vene keeles, 1997. aastal ilmus "Pieni Dessoilu" livviko karjala keeles. 1998. aastal võitis luuletus "Igaine tuli" (Igavene tuli) ajakirjanike ja kirjanike vahelise konkursi "Parim karjala- ja vepsakeelne teos". Ta on tõlkinud A. Puškini, A. Bloki, A. Ahmatova, A. Tvardovski ja teiste vene luuletajate loomingut karjala keelde. 2001. aastal pälvis tema raamat "Vellen süväin" (Venna süda) "Karjala Vabariigi aasta raamatu" tiitli ja Karjala Vabariigi juhi preemia. 1999–2001 juhtis Volkov Karjala rahva liitu. 2013. aastal ilmus luuletaja 85. sünnipäeva puhul raamat "Kuis meie sõna vastu kajab". Ta suri 92-aastaselt 4. aprillil 2020 Petroskois. Maetud oma kodukülas Dessoilus. (Волков, Александр Лукич — Википедия (wikipedia.org))

Александр Лукич Волков (карел. *Aleksandr Lukič Volkov*; 1928–2020) – советский, карельский поэт, писатель, переводчик, народный писатель Республики Карелия. Родился 25 декабря 1928 года в деревне Эссойла КАССР в многодетной крестьянской семье. В 1937 году его отца репрессировали по ложному доносу и мать одна растила шестерых детей. Сменил множество профессий. В 1959 году окончил Карельский государственный педагогический институт. В том же году были опубликованы его первые стихи, в 1966 году его стихи на карельском языке были удостоены премии. В 1993 году вышла первая книга стихов «Маленькая Дессойла» на русском языке, а в 1997 году эта книга «Pieni Dessoilu» вышла на ливвиковском диалекте карельского языка. В 1998 году стихотворение «Igaine tuli» («Вечный огонь») стало победителем конкурса «Лучшее произведение на карельском и вепсском языках» среди журналистов и литераторов. Автор переводов на карельский стихов А. С. Пушкина, А. Блока, А. Ахматовой, А. Твардовского и других русских поэтов. В 2001 году его книга «Vellen süväin» («Сердце брата») удостоена диплома «Книга года Республики Карелия» и премии Главы Республики Карелии. В 1999–2001 годах возглавлял Союз карельского народа. В 2013 году вышла в свет книга «Как слово наше отзовётся», посвящённая 85-летию поэта. Умер 4 апреля 2020 года в Петрозаводске на 92-м году жизни. Похоронен в родной Эссойле. (Волков, Александр Лукич — Википедия (wikipedia.org))

livviko (Aunuse karjala)

Aleksandr VOLKOV

Liivin virret

Myö – livviköit, livvit, myö – liivit?
miän syväin on suolaizes meres,
meil oldihhäi kajualoin siivet
dai vaskizet purahat veres.

Ken miän n’abarihman sie katkai,
ken juurispäi riuhtai da viätti
täh igäizeh vahingomatkah,
ken emät miän itkemäh jätti?

Sen Paapago Riimaspäi käski
meid’ vierahah uskondoh ajua,
vai prussakku-tevtonu räski
da miekan vuoh tajendi rajua?

– Ei tiijä ni kehno, ni Jumal,
kui puutuimmo Karjalan kannal,
ken venehet kallivol kumai
da verkoloi kaššalis kandoi?

Tien tundijat kaimattih nimet,
kos karjua miän kezäyö valgai
da vedeli Pohjolan pimei,
kus kallivo jogiloih halgei.

Meil’ miellyttih Karjalan sellät
i järvet, kui meret, dai mecät;
a vepsät – miän lähäizet vellet,
ei parembua sebrua pie eččie.

* * *

Myö livviköit, l’uudikot, livlit –
yöl kirrummo maailmal kaikel:
miän kalmah on varuksis kivet,
no eliä myö tahtommo kaikin.

(Волков 2008: 9–10, 13)

Aleksandr VOLKOV

Livvi lood

Kas livvikod, livvid või liivlased me?
Meil süda on soolases meres,
randa kajakatiivad kandnud on meid,
meil rännukihk endiselt veres.

Kus nabanöör katkes? Kes lõhkus ta?
Kes juurtest meid haaras ja võttis,
et otsata teele meid paisata,
emad kodumaal itkema jättis?

Siis paavstid ja rüütlid mõõgaga
Võõrast usku me maadele kandsid.
Tapva tule, vale ja ristiga
ülekohtule voli nad andsid.

Ei sarvik, ei vägevaim aavista,
kuis Karjala kanda me jõudnud.
Kes vened need kaljule kuivama
ja võrgud on kivile kandnud?

Rajanäitajailt röövitud nimed,
kus suveöös mäletses kari.
Taevalaotusel Põhjamaa vine,
jõge embamas kaljude vari.

Livvi kummastas Karjala loodus,
ta järved kui mered ja metsad.
Livvi hellitas hõimlaste ootus,
ta sõbrad, ta velled on vepsad.

* * *

Kõik – livvikod, lüüdid ja liivlased – te,
kel hääl kaikub sügavast varjust:
kuula, maailm, oleme olemas,
me lootus abi järele karjub!

Tõlkinud Jaan Õispuu
(Volkov 2009: 51–52, 57)

Александр ВОЛКОВ

Ясаӈ ливат оӆаӈан

Муӈ – ливвикет. Сит си исипа – ливат?
Сирн си муӈ ӆыпилӆув вусат
Сулаӈ хумпат хурам ухат
Тухлаӈ сури хурам тухаӆ?

Пукан сәӆэв хойн эватса
Хойн ӆэрӆув эваӆт маншасыюв
Там юрэмум артэвн, оӆӆувн,
Аӈкилӆув емаӈ хоӆӆуп сый кутн?

Мосаӈ Римский Папайн ертсаюв,
Паватсаюв па ная – вәрта эваӆты,
Калыян увӆатсат юханат,
Хән тевтон хон воши кар картас.

Нэмхоят манэма айкел ант тәс
Ин вәӆты хоятат эваӆт.
Хойн тыв юватсайт ант мосты утат
Там емаӈ кеват, пасаӈ кеват охтыя?

Хән муӈ емаӈ хумпат охтыйн
Тәсыюв кев ухат ӆаӈкарн
Мир ухн муӈат тувум хоятӆув
Нэмат иса кеша нуви атата ховемасат.

Муӈ самӆува рахет йәр па вән юханат,
Йиӈкаӈ па ӆораӈ хурамаӈ мувев.
Вепсат кинся ям пилӆ ёх,
Ӆыв кинсела рәт мир
Нэмхәнтты па муӈ ант тайсув.

* * *

Муӈ – ливвикат, ливвайт, муӈ ливат.
Патлам тахи эваӆт ясӈат увӆув
– Хәӆмиӆаты, ханнэхоятат!
Муӈ ӆыӆнат!
Муӈ ӆыӆув этӆтаӆӆув!
Сив муӈ эваӆӆув!

Tõlkinud Marija Vagatova
(Волков 2008: 69–70, 73)

Александр ВОЛКОВ

Ливъяслӧн шогсьӧм

Ливвикъяс ми, ливви котыр, ливъяс,
Саридздорса войтырлӧн ныв-пиян.
Горавлісны ылӧдз миян нимъяс,
Черъяс кутны кужлім крепыд киын.

Ас му вылын олім эськӧ дыр на,
Кодлӧн выныс тырмис верӧ пӧртны?
Медым бура овны, ставыс тырмис,
Но со лои мамъяснымлы бӧрдны.

Гашкӧ, Римса Папа чорыд везйӧн
Кӧрталіс, мед сылӧн Енлы эским.
Наян тевтон Пруссияысь эз-ӧ
Миянӧс ас оланінысь дзескӧд?

Кывтім пыжӧн войын, кывтім лунын,
Вӧтлӧм йӧзлы ковмис мунны ылӧ.
Кыдзи, ӧні сьӧкыд весиг шуны,
Веськалім Карелия му вылӧ.

Некод тані весьшӧрӧ эз юась,
Дзирдышталіс юръяс весьтын востым.
Воим сэтчӧ, кӧні тэрыб юяс
Визувтӧны изъя кырта кості.

Ас йӧз дорӧ вайӧдісны кокъяс.
Гӧгӧр паськыд тыяс, помтӧм вӧръяс.
Овмӧдісны миянӧс вепс-вокъяс,
Енъяс векжӧ отсыштісны бӧрвыв.

* * *

Ливвикъяс ми, ливви котыр, ливъяс,
Дыр-ӧ кутам полігтырйи овны.
Муыс дась нин босьтны аслас сывйӧ,
Но ми ловъяӧсь
И кӧсъям овны!

Tõlkinud Vladimir Timin
(Льӧм ю 2008: 115–116, 119)

Aleksandr VOLKOV

Līvõ lõlõd

Mēg livvi rovž, livvid; mēg līvõd?
Mäd sidām um sūolizõs miersõ,
mäddõn voltõ kajāgõd tībõd
ja vaškizt mäd pinnaggõld viersõ.

Kis mäd nabārīmõ sāl katkīz,
Kis jūršti siz tõmbiz ja viedīz,
Kis igāniz kajjiz riek pālõ
Mäd jemād sīn itkõmõ jetīz?

Või se võl Rūom pāvest kis käskīz
Võrõ uskõ mēdi siz ajjõ?
Agā preus-saksā izāndõd rabīzt
Ja mōkõks teit' vizāks va grentsõ?

Äb kure, äb Jumāl äb tīeda,
Kui tunnõd ūom Kariela nannõ,
Kis lõjad um kivmäg päl kīerõn
Ja võrgidi krešīīši kandõn?

Riek tūndijizt kōtiztõ nimmõ,
Kui sõvīe tei sieldõks mäd karrõ,
Ja viedīz il Puojmōd sīe pimdõm,
Kus kivmäg um joug sizzõl paggõn.

Mäddõn mīeldiztõ Kariela sālgad,
Mēg ārmastõm jarrõ ja mõtsõ,
Ak vepsād – mäd leižglimizt velīd,
Äb parīmtõ sõbrõ la votsõ.

* * *

Mēg livvid ja līvõd ja līdid,
Īezõ ourõm amā mōīlman:
Mäd kālman āt valmōd jou kivid,
Bet jellõ mēg tōmõ ju amād.

Tõlkinud Kuha-Lassi Tast
(Волков 2008: 29–30, 33)

Александр ВОЛКОВ

Ливыт урыл латынг

Ман – ливвикыт. Мак те – ливыт?
Сыманув аквтем путгегыт
Хунь халэвыт нупыл сунсэва,
Хунь хумплын витсуй хунтамлэв.

Пукнищанянув хотьютыт олсыт,
Олум мав хунь оссувласув?
Аман хот тоныт миранув ялсыт?
Тарвит олупса тыт та хонтсув.

Улпыл Рим Атяг лавыглан ащин
Мотщирл номсунгкве лаввесув,
Тоныт ят телп ёт овумтасыт,
Тевтон ёт улпыл хонтлыглалсув?

Нэмхотьютн ат хултыглалвесум
Хунь ты ахвтасын ман ёхтысув
Нэмхотпан ат-та ханищталвесум,
Улпыл сав матыр ёрувласув.

Яныг хумплытын эрн тотвесува,
Хотьют лави ань пес пора ур,
Хонгха ёт тонт тыг вантласува,
Хомус минаслув карыс Ур.

Ты мус сымтенув олым путгегыт,
Щагтым хунтлэва хумплын вит
Вепсыт манавн рутыг олэгыт,
Улпыл лаввесув олунгкве тыт.

* * *

Манн – ливвикыт, ливвыт, ман – ливыт –
Элы мал ман рохсуянув:
– Хунтлэн, махмыт! Ман лылынгт!
Лавим нотанув олыгьянув!

Tõlkinud Svetlana Dinislamova
(Волков 2008: 34–35, 38)

Александр ВОЛКОВ

Лив калык нерген ой

Мый ливвик улам. Тукым вожым
Тугеже лив калык пуэн.
Садлан мо чонем изиш вожыл,
Лив теҥыз дек мыйым шупшеш?

Кӧ калыкнан кылымдым кӱрльӧ?
Кӧ ойырыш кӱрышт вожнам?
Ынде шонена тӱрлӧ ой ден,
Иктеш она лий нигунам.

Ала Рим гыч толшо тӧрана
Коден эрык дечын посна?
Тушкен йот верам да осалын
Тачат ару чоным посла?

Нигӧ мыланем ок вашеште,
Лив вӱрна йӱр вӱдла шыжа.
Молан гын кугезе мландешна
Мый йот семын шкемым шижам?

Кунам теҥыз толкым вачешан
Шып эртышна курык лоҥгам,
Ала ме тунам ош йӱдешан
Йомдарышна тале оннам?

Куатле эҥер келша утыр,
Куанле ший ерын сержат.
Но вепс гае поро пошкудым
Тетла она му нигуштат.

* * *

Ме, ливвик-влак – лив улына ме,
Пычкемыш гыч ме ойлена:
«Мер калык! Эше илена ме,
Ӱшан ден тӱняш ончена!».

Tõlkinud Zoja Dudina
(Дудина 2012: 447–448, 450)

Александр ВОЛКОВ

Ливань явсемат

Минь – ливвиктам. Лисенди – ливат?
Аф эздост ли ваймоти валгсть
И пацянза чайкать лиихть,
И салу ведьгеворьксонь валдсь?

Кит ульсть теень бокононь порикс?
Кит кандомазь минь вармань пачк,
Исть када аф ункст, аф од моликст,
Ризнай тядянь явсема пачк?

Аф Римонь ли Озкс Алясь эсонк
Лиянь верас вихца сувафтсь?
И шудефтсь вер ляйхть минь пря пезонк.
Мъзярда ош лангс ош сон стяфтсь.

И тяниень эряйхнень эзда
Исть аза миндейнек тънярс,
Кит ёрдазь ня кефнень лангс эздост
Ся уликсть, мезь венчкаст илядсь.

Мъзярда эсь лафтусост веттне
Пингть пачка минь эсонок кандсть,
Эсь кельмозост северонь ветне
Кинь няфтихнень лемснонга кадсть…

Пяк мялезонк минь вии ляйхне,
Эрь эрьхксь седи малазонк шаштф,
Вепс плямада маланят, няйф ни,
Миндеенк и раднятка аш.

* * *

Минь – ливвиктам, ливат, лифтама –
Юваттяма шобдаста валхт:
– Кульсасть, ломатть! Минь шисотама!
Минь ванфтсамазь менелень валдсь!

Tõlkinud Raja Orlova
(Орлова 2011: 180–181, 184)

Александр ВОЛКОВ

Ливвезлӧн горзанкыввез

Ми – ливвиккез, ливвиттэз, ливвез?
Саридз дорся ойвыв увтыр.
Горавлісӧ ниммезным миян,
Саридзись чери кыйлім тыр.

Ми олім ас му вылын бура.
Кин веррезӧ пӧртіс, мыля?
Кин мукӧт чужанкӧт янсӧтіс,
Янсӧтіс кин мамкӧт кага?

Рим Папа пӧ дзик черань везӧн
Кӧрталіс, мед вежим эскӧм,
Дзескӧтіс тевтонеч быд кадӧ.
И кольччис нач ӧтік – пышшӧм.

Ми уйим и лунӧн, и ойӧн,
Ми пыжжезӧн уйим ылӧ.
Карел муӧдз вермис веськӧтны,
Вайӧтны чож валӧн кылӧт.

Эз нем и некин юась татӧн.
Ойвывкыа вежис ас рӧм.
Ми сувтчим, кытӧн иззэз пӧлӧн
Ӧдззӧтӧ ва чож визывтӧм.

Ми асланым отир дын петім.
И ю эстӧн, и помтӧм вӧр.
И вепссэз – меддона ни воннэз –
Оз кольӧ лёк шогын некӧр.

* * *

Ми – ливвиккез, ливвиттэз, ливвез –
Саридз дорся ойвыв увтыр.
Ми эмӧсь! Ми ловъяӧсь ӧнӧдз!
И кӧсъямӧ овны вель дыр!

Tõlkinud Vasili Kozlov
(Льӧм ю 2008: 86–87, 89)

soome

Aleksandr VOLKOV

Liivin virret

Me livviköt, livvit, me liivit?
Me olemme syntyneet merestä,
Ja meillä on lokkien siivet,
Ja tuurien teräs on veressä.

Ken juurilta riuhtaisi meidät,
Ken yhteisen matkamme päätti,
Ken kärsimysrekelle heitti
Ja itkemään äitejä jätti?

Ken riuhtaisi? Paaviko Rooman,
Kun istutti uskoa uutta?
Vai onko se miekkojen tuoma,
Ken teutoni rajoja muutti?!

Sen tietää vain Jumala, miten
Me Karjalan kannaksen saimme.
Sen kivikköön vahva on side.
Ne muistuvat, verkot ja saimat.

Kaikk' nimetkin hukkasi väki,
Kun valaisi kesäyö karjat,
Kun pimeän Pohjolan näki
Ja joessa kiviset harjat.

On mieluisat Karjalan metsät,
Kuin merien, järvien laineet.
On läheinen kielikin – vepsä,
Ja veljemme on vepsäläinen.

* * *

Me livviköt, lyydikot, liivit –
Me huudamme öisin vaikka
On valmiina hautojen kivet,
Vaan elää me tahdomme kaikki.

Tõlkinud Armas Hiiri
(Волков 2008: 64–65, 68)

Александр ВОЛКОВ

Ливъёс сярысь мадь

Ми ливвикъёс. Озьыен, ми – ливъёс?
Лулмы но люказ трос аръёс
Кужымзэ сылало тулкымлэсь но,
Бурдъёссэ эрико чарланлэсь?

Бун кин милемыз гогыяз та,
Ваймес, выжымес бералляз,
Кельтйз милемыз вунонэ,
Соин, дыр, бӧрдэ весь нэнэ?

Муртлэн осконаз кыскыку-а,
Римлэн бурду лаз каръяським.
Виро шуръёсты кисьтыку-а
Тевтон но пала берытским?

Нокин но мыным ӧз, ӧз вера
Туннэ улйсьёс но пӧлысь.
Сильтӧл-а меда, тӧл пери-а
Ваиз. Бен потйм ми кытысь?

Кужмо тулкымлэн пельпумаз-а,
Тэлез, герезез потамы.
Туниэ вунэмын берпумез-а
Сюрес возьматйсь выжымы…

* * *

Ми – ливвикъёс, ливви, ливъёс –
Ортчем вакытысь куарамы:
– Улэп ми! Дунне калыкъёс!
– Улэп на милям осконмы!

Tõlkinud Aleksei Jeltsov
(Волков 2008: 59–60, 63)

VOLKOV Alekszandr

Ének a lívekről

Mi livvik – lívek volnánk vajon?
Sós tenger habja mosta szívünk,
sizályszárnyakkal röpült hajónk,
s rézszínű dárdát markolt kezünk.

Ki vágta el a köldökzsinórt,
mi űzött el: vész, erő, ármány?
Anyáink könnye ki miatt folyt,
ottmaradván egyedül, árván?

Pápai parancs jött Rómából:
„szétzúzni minden pogány berket“?
A teuton dúlás poklából
futva jutottunk egyre messzebb?

Nem tudhatja senki fia már,
hogy értünk karjalai földre,
hol vetett partra és milyen ár,
ki volt, ki bárkánk kikötötte.

Dús legelők, nyáresti égbolt,
sziklás folyóvölgy, téli sötét.
Az újban elmerült, mi rég volt,
nem jegyeztük meg az ősök nevét.

Kedvünkre volt a karél vidék:
tengernyi tavak, rengetegek;
túlnan meg véreink, a vepszék –
jobb szomszédságunk nem is lehet.

* * *

Mi livvik, mi lűdök, mi lívek
kiáltunk az éjben, halld, világ:
bár sírunk megásva, még élünk,
és akarunk is élni tovább.

Tõlkinud Kubínyi Kata
(Волков 2008: 14–15, 18)

Александр ВОЛКОВ

Слово о ливах

Мы – ливвики. Стало быть – ливы?
Душа не от них ли взяла
солёной волны переливы
и чайки летящей крыла?

Кто нам перегрыз пуповину,
кто нас оторвал от корней
в забытую ныне годину
под горестный плач матерей?

Не Папа ли Римский неволил
нас верой чужою тогда,
и реки кровавые пролил
тевтон, городя города?

Никто не поведал пока мне
из ныне живущих людей,
кто бросил на здешние камни
пожитки из беглых ладей.

Когда нас могучие воды
сквозь горы несли на плечах,
тогда имена путеводов
истаяли в белых ночах…

Нам по сердцу сильные реки,
родная озёрная гладь,
и лучших, чем вепсы, вовеки
нам родичей не отыскать.

* * *

Мы – ливвики, ливвы, мы ливы –
из тьмы выкликаем слова:
– Прислушайтесь, люди! Мы живы!
И наша надежда жива!

Tõlkinud Andrei Rastorgujev
(Волков 2008: 49–50, 53)

Aleksandr VOLKOV

Pajo liiviläižiš

Mö – livvikod, livlinke – sugus,
ik heng meiden – sol'hižes meres?
Ik meil ol'ba kajagan suugad
da vaskižed purehed veres?

Ken rihmaižen nabaspäi rebit',
ken jurišpäi vägenke rästi
i oigetes matkha kesk verhid,
meid voikmaha miruhu pästi.

Ik Riml'aine Papa om käsknu
meid verhaze uskoho mända,
vai tevtonad? Kajičim vaskne
da veič terav kädes heil vändi.

Ei teda ni lemboi, ni Jumal,
kut putuim mö Karjalan randha,
ken venehed kal'l'oihe kumaiž,
da verkoid pan' kašlihe kandmha.

Ten tundijoil kadoiba nimed,
konz kezaö vedeli vauged,
konz vastteli pohjoižma pimed,
da jogehe liče kal'l' kauged.

Kut mel'he om Karjalan selgäd,
i järved, i mered, i mecad.
A vepsläižed – lähižed velled,
kus parembad sebrut voib ecta!

* * *

Mö – livvikod, lüdikod, livlid,
ved' eläm völ. Kulgat meid, rahvast!
Om kaumale vaumehed kived,
no taht elos püžuda vahv om.

Tõlkinud Nina Zaiceva
(Волков 2008: 19–20, 23)

Kommentaar (Jaan Õispuu)

69-aastaselt karjalakeelseks luuletajaks: Aleksandr Volkovi ”Liivi lood”

Meeldiv tõdeda, et karjala ja lüüdi teema on Tartus elavalt päevakorral: 13. mail tutvustas oma lüüdi grammatikat Miikul Pahomov ja nüüd, kaks nädalat hiljem, on kavas aunuse ehk livvi karjalase Aleksndr Volkovi *”Liivin virret”* ehk eesti keeli ”Liivi lood”. Olgu kohe mainitud, et kaks kõlalt lähedast läänemeresoome etnonüümi *liivi* ja *livvi* on ikka ja jälle segadust tekitanud. Olen ka ise pidanud paari kirjutise autoriga ühendust võtma ja selgitama, et tegu pole trükivea ega muidu apsakaga. Et ongi kaks nii sarnase nimega läänemeresoome rahvast. Lähedus ajendas luuletust kirjutama ka Volkovit. Aga sellest pärastpoole.

Kuni Gorbatšovi uutmise alguseni 1980. aastate keskel polnud Teise maailmasõja järgse nõukogude sotsiolingvistika jaoks karjala kirjakeelt olemas. Valge mere karjala romaanikirjanikud Antti Timonen, Ortjo Stepanov jt lõid oma loomingu soome ja vene keeles. Livvi karjalastel oli ”kaks oma luulepääsukest” Vladimir Brendojev (1931–1990) ja Paavo Lukin (1922–1988), aga nemad olid rohkem autsaiderid, kelle luuletusi küll teati-tunti, aga trükki need pikka aega ei jõudnud. Kui 1990. aastal vallandus paisu tagant karjala keele ja kultuuri velmamine, kerkis esile terve rida luuletajaid, kellest üks oli Aleksandr Volkov. Neile noorluuletajaile – see pole iroonia – oli ühine üks joon: kõik olid loomingutee alguseks jõudnud pensioniikka.

Aleksandr Volkoviga kohtusime näost näkku esimest korda 1998. aasta septembris karjalakeelse ajalehe *Oma Mua* toimetuses. Lehenäitsikud olid värskelt (1995) lõpetanud Petroskoi Riikliku Ülikooli karjala keele ja kirjanduse eriala esimese lennu ning nende sage külaline oli ka Volkov. Oma Mua oligi koht, kus ta esimesed karjalakeelsed luuletused avaldati.

Kuigi Karjalas nimetati meest auväärselt isanime järgi Aleksndr Lukitšiks, ei küsinud ta minult kunagi minu isanime – mida mõni teine karjalane on teinud – ja sestap olin mina temale Jaan ja tema minule Aleksandr.

Aleksandr Volkov sündis 25. detsembril 1928. aastal. Naljatamisi tavatses ta täpsustada, et iga rahva suurmehed sündivat ikka Jeesusega lähestikku. Aleksandr Volkov (edaspidi tekstis AV) sündis Karjala ANSV-s Prääsä rajoonis Dessoila külas aunuse talupidaja perekonnas. Talupidamine sai isale saatuslikuks: kolhooside loomise aegu tembeldati ta kulakuks ja represseeriti. Sõja-aastad 1941–1944 evakueeriti Volkovid nõukogude tagalasse Sverdlovski (nüüd Jekaterinburgi) oblastisse. Naasnud 1944. aastal koduküllа, töötas AV lühikest aega kohalikus kolhoosis ja metsatöödel ning läks siis kooperatiivtehnikumi. Suur osa hilisemast töömeheelust (1964–1991) mööduski AV-l õpitud erialal suuri kaubandus- ja kooperatiiviasutusi juhtides. Pikka aega oli ta metsatööstusettevõtte direktor ja Karjala ANSV ametiühingujuht. 1991. aastal, karjala temaatika päevakorrale kerkimise tippajal, jäi AV pensionile. Uued olud ja tekkinud vaba aeg võimaldasid tal sukelduda karjalaste kirjandus- ja ühiskonnaellu. Põhitöö kõrvalt oli AV 1959. aastal kaugõppes lõpetanud Petroskoi Pedagoogilise Insttuudi vene keele ja kirjanduse eriala.

Õpetajana ei töötanud ta päevagi, aga filoloogilised teadmised kulusid nüüd marjaks ära. Karjala avalikkuses oli Aleksandr Lukitši sõnal kaalu – oli ta ju olnud kauaaegne vabariigi tasandi majnduspersoon. 2013. aastal pärjati Volkovit koguni Karjala Vabariigi aukodaniku tiitliga, kõnelemata teistest väiksemakaalulistest tunnustustest.

Venekeelseid luuletusi oli AV avaldanud ajalehes *Leninskaja pravda* juba 1959. aastast alates, 1993. aastal ilmus aga esimene karjalakeelne raamatuke "Pieni Dessoilu. Runot, kiännökset" "Väike Dessoila. Luuletused, tõlked"). Selles on 30 autori oma luuletust ja vene autorite loomingu tõlkeid. Selle raamatuga astus Volkov üles nii livvi luuletaja kui vene luule livvi keelde tõlkijana. 1998. aastal ilmunud raamat *"Вечный огонь. Iguine tuli"* ("Igavene tuli") sisaldab – nagu pealkirjastki näha – nii vene- kui karjalakeelset loomingut. 2003. ja 2008. aastal ilmunud kogumikud on venekeelsed ja seetõttu ma neil praegu ei peatu.

Kohtusime AV-ga kõige sagedamini Petroskois, kus igal sügisel korraldati Dmitri Bubrihhile pühendatud keele- ja kirjanduseteemaline konverents. Käisin seal esinemas. Pärast 2003. aasta lõpus toimunud konverntsi väsitavat tööpäeva olime AV kodus Puškini tänava korrusmaja korteris juttu ajamas, kui ta korraga mainis, et on kirjutanud luuletuse, mille tahaks tõlkida teistesse soome-ugri keeltesse, ja muidugi ka eesti keelde. Küsimus oli, kes võiks olla eestindaja. Lubasin probleemile lahenduse leida. Mulle ei tulnud pähegi, et ise tõlkima hakkan. Pealegi pani luuletus sisuldasa õlgu kehitama. Korduvalt teksti lugedes mõistsin, et sõnum on siiski olemas ja see on viimases salmis. Otsustasin, et teen reaaluse tõlke, keegi teine vormib teksti luulekeelde. AV kordas oma soovi jõulukaardil. Aeg läks, antud lubaduse täitmine ei edenenud. Kevad 2004 oli kätte jõudnud. Kurtsin, et ma ei ole kedagi leidnud. AV-lt tuli lühike vastus: "Ku et lövvä, kiännä iče!" ("Kui sa ei leia, tõlgi ise!"). Tundus, et eluaegse suure ülemusena ei olnud mees harjunud vastuvaidlemisega.

Tallinna Pedagoogikaülikooli karjala keele kursuse tarbeks olin eestindanud Vladimir Brendojevi ja Santtu Karhu mõne luuletuse ning lasknud sama teha tudengitel. Nüüd tuli aga arvestada, et tekst ilmub ka trükis. Väljas oli tulikuum 2004. aasta maikuu, kui end kümneid kordi kiruda jõudes tõlke valmis sain. Ei mäleta, kuidas tekst Petroskoisse jõudis, ilmselt meilitsi, aga kui trükiteksti nägin, märkasin oma suureks kurvastuseks, et keegi oli teksti ümber löönud ja seejuures üksjagu tähe- ja muid vigu teinud. Näis, et nii luuletuse keel kui sisu olid trükkijale olnud täiesti võõrad. Sain AV-lt nn autorieksempari pühendusega 16. augustil 2004 Tallinnas IV soome-ugri rahvaste maailmakongressil. Pühendus kõlab: "Sinul tämä kniigaine kallis Jaan Õispuu kunnivoičendan kel Aleksandr Volkov." ("Sulle see raamatuke kallis Jaan Õispuu austusega Aleksandr Volkov."

Samade kaante vahel on originaalteksti kõrval veel venekeelne versioon (tõlkija Andrei Rastrogujev), komi (Vladimir Timin) ning liivi ja soome tõlge (mõlema autor Juha-Lassi Tast). Ning minu eestikeelne. Kokku seega nelja soome-ugri keele ja vene keele tõlked. Eessõnas märgib AV, et Nina Zaitseva on luuletuse osaliselt tõlkinud ka vepsa keelde ja katkend on ilmunud vepsa lehes Kodima. Samas eessõnas avaldab AV lootust, et "... luuletus "Liivi lood" tõlgitakse ka teistesse soome-ugrii keeltesse".

2008. aastal ilmunud kordusväljaandes "Liivin virret. Runokolmikko" (Petroskoi: Periodika) oligi tekstide arv tõusnud 14ni: 2004. aastaga võrreldes olid lisandunud

ungari (Kubínyi Kata), vepsa (Nina Zaitseva), mansi (Svetlana Dinislamova), mari ((Zoja Dudina), mokša (Raja Orlova), saami (Aleksandra Antonova), udmurdi (Aleksei Jeltsov), handi (Maria Vagatova). Üks muudatus esmatrükiga võrreldes on veel: soomekeelse tõlke autor on siin Armas Hiiri (Armas Mišin), 2004. aasta väljaandes Juha-Lassi Tast.

2008. aasta suvel kohtusime AV-ga koguni kahel korral. Juuni lõpus osalesime mõlemad Hantõ-Mansiiskis toimunud soome-ugri rahvaste maailmakongressil. Sain seal raamatu "Liivin virret" teise ja täiendatud väljaande pühendusega: "Яну Ыйспуу – соавтору этой книги, большому другу карельского народа – на добрую память". Kuupäev: 30. juuni 2008. Hantõ-Mansiiskist veel üks mälestus: seal viibis ka Venemaa Föderatsiooni verivärske president Medvedjev. Küsisin AV-lt, mida ta uuest presidendist arvab. Vastus oli: "Ta on Putinist veel viis senti lühem." Mine võta kinni, mida AV mulle sellega öelda tahtis.

Kui augustis 2008 Eesti Emakeeleõpetajate Seltsiga Karjalat väisasime, siis korraldasin Petroskois ka kohtumise AV-ga. Siis sain ülesande toimetada üks raamatu eksemplar Eesti presidendile Toomas Hendrik Ilvesele. Tegingi seda presidendi kantselei kaudu. Mõne aja pärast võeti minuga ühendust ja paluti livvi keelde tõlkida tänutekst. Diplomaatilisi kanaleid pidi toimetati tänukiri AV-le, kes oli Eesti presidendi tervituse üle väga uhke ja õnnelik seda enam, et sama aasta 25. detsembril pidas ta oma 80. sünnipäeva. 10-astaseks sai ka kirjanike ühing *Karjalaine Sana*, keda AV oma lapseks pidas.

Ühes intervjuus on AV maininud, et luuletus "Liivin virret" on pühendatud liivlastele sooviga juhtida üldsuse tähelepanu liivi keele olukorrale, aga sellega ühenduses kõigi väikerahvaste olukorrale. Liivi keele kõnelejaid on veel vähem kui livvi ehk aunuse omi. Tõepoolest: luuletuse viimane salm (olgu see esitatud livvikarjalas) kõneleb selget keelt:

Müö livviköt, l´üüdikot, liivit –
üöl kirrummo muailmal kaikel:
Miän kalmah on varuksis kivet,
no eliä müö tahtommo kaikin.

Kakskümmend aastat tagasi olid soome-ugri ja teiste Venemaa väikerahvaste keelepüüdluste taevasse jõudnud küll esimesed tumedad pilved, ent praegune poliitiline olukord pole sellega kuidagi võrreldav. Vaevalt keegi aastal 2004 oskas arvata, milliste probleemidega Euroopa kakskümmend aastat hiljem maadleb. Sestap omandavad eespool toodud read iga päevaga suurema ja sügavama sisu.

Aleksandr Volkovi maine teekond lõppes 4. aprillil 2020, ajal, mida kogu maailma oli hakanud vaevama koroona paine. Tean, et AV on maetud koduküla kalmistule, aga millal täpselt, seda pole uurinud. Igal juhul ei saadud teda liikumis- ja muude piirangute tõttu matta kohe pärast lahkumist.

Mulle ei ole rahu andnud kahes eesti tõlkeraamatus ilmunud "Liivi lugude" vigane pealkiri. Kusagil on olnud keegi "tähelepanelik" isik, kes on arvanud, et Jaan Õispuu on eksinud ja *livvi* asemel trükkinud *liivi* ning "parandanud" niiviisi pealkirja valeks. Nõnda on see antoloogias "Kuum öö", lk 25 (2006) ja ka Volkovi tõlkeraamatus "Hilissügis", lk 51 (2009). Viimases on tegemist küll "Kuumast ööst" laenatud tõlkeversiooniga, mistõttu vigane pealkiri on sattunud ka kogumikku "Hilissügis" inimliku mugavuse tõttu. Aga siiski. "Hilissügisesse" tõlkisime Arvo Valtoniga Volkovi tollal kahe uuema luulekogu loomingut:

mina aastal 2003 ilmunud karjalakeelsest ”Järvet Karjalan” (”Karjala järved”) ja Arvo venekeelsest ”Тихое небо“ (“Vaikne taevas“, 2008). Nõnda ilmselt juhtuski, et varem tõlgitud tekst läks uude raamatusse vääraka pealkirjaga.

Mida veel tõlkimise kohta öelda?

Kindlasti seda, et tõlkimine on, nii palju kui seda teinud olen, suunanud mind kindlasti mõtlema eesti keele sõnavara nüanssidele, sundinud lehitsema või surfama sünonüümisõnastikku või pöörduma Andrus Saareste “Eesti keele seletava sõnaraamatu“ poole. Olen lähtunud kolmest märksõnast: autori mõte, teksti rütm ja riimitüüp.

Autori mõttega ei tohi tõlkija omapäi uitama minna, vaid, esiteks tuleb püüda autori mõtteni jõuda ja seejärel seda oma keelde vormima hakata. Rütmi järgimise all pean silmas silpide arvu värsireas, pikkade ja lühikeste silpide kooskõla tõlgitava keele omadega. Selle nõude täitmine osutub sageli problemaatiliseks. Ja riimitüübi säilitamine, sest AV ja teiste tema põlvkonna livvi luuletajate looming on reeglina värsiline.

Комментарий (Яан Ыйспуу)

Начать писать стихи на карельском в 69: «Слово о ливах» Александра Волкова

Приятно осознавать, что тема карельского и людиковского языков очень актуальна в Тарту: 13 мая Мийкул Пахомов представил свою грамматику людиковского языка, а уже две недели спустя состоится вечер, посвященный произведению олонецкого карела или карела-ливвика Александра Волкова *«Liivin virret»*, или «Слово о ливах». Следует сразу оговориться, что два прибалтийско-финских этнонима *liivi* и *livvi*, схожие в произношении, то и дело вызывают путаницу. Мне и самому приходилось объяснять некоторым авторам, что это не ошибка и не опечатка, и что действительно существуют два прибалтийско-финских народа с похожими названиями. Эта схожесть подтолкнула и Александра Волкова к написанию стихотворения. Но об этом позже.

После Второй мировой войны и до начала горбачевской перестройки в середине 1980-х годов в советской социолингвистике не существовало письменного карельского языка. Беломорские карельские романисты Антти Тимонен, Ортё Степанов и другие создавали свои произведения на финском и русском языках. У ливвиков были «две поэтических ласточки» – Владимир Брендоев (1931–1990) и Пааво Лукин (1922–1988), но они были скорее аутсайдеры, чьи стихи были известны и любимы, но долгое время не печатались. Когда в 1990-е годы началось интенсивное возрождение карельского языка и культуры, появился целый ряд поэтов, одним из которых был Александр Волков. Этих молодых поэтов – и это не ирония – объединяла общая черта: все они к началу своей творческой карьеры достигли пенсионного возраста.

Впервые мы встретились с Александром Волковым в сентябре 1998 года в редакции карелоязычной газеты *«Oma Mua»*. Девушки в редакции недавно (1995) стали первыми выпускниками Петрозаводского Государственного университета по специальности карельский язык и литература, и Александр Волков был их частым гостем. Именно в «Oma Mua» были опубликованы его первые стихи на карельском языке.

В Карелии этого человека с почтением называли по имени-отчеству Александр Лукич, но он никогда не спрашивал моего отчества, как это делали некоторые другие карелы, и поэтому я для него была Яаном, а он для меня – Александром.

Александр Волков родился 25 декабря 1928 года. В шутку он говорил, что великие люди всех народов рождаются примерно в одни даты с Иисусом. Александр Волков родился в дер. Эссойла Пряжинского района Карельской АССР в семье олонецкого крестьянина. Хуторское хозяйство стало роковым для его отца: во время создания колхозов его назвали кулаком и репрессировали. В годы войны с 1941 по 1944 семья Волковых была эвакуирована в глубокий советский тыл в Свердловскую (ныне Екатеринбургскую) область. Вернувшись в родную деревню в 1944 году, А. Волков недолго проработал в местном колхозе и в лесном хозяйстве, а затем поступил в кооперативный техникум. Большая часть его последующей трудовой жизни (1964–1991) прошла в управлении крупными торговыми и кооперативными

организациями по полученной специальности. Долгое время он был директором предприятия лесной промышленности и профсоюзным лидером Карельской АССР. В 1991 году, на пике актуализации карельской тематики, А. Волков вышел на пенсию. Новые обстоятельства и появившееся свободное время позволили ему с головой погрузиться в литературную и общественную жизнь Карелии. Помимо основной работы, А. Волков в 1959 году окончил Петрозаводский педагогический институт по специальности русский язык и литература. Он ни дня не проработал учителем, но филологические знания ему вполне пригодились. Слово Александра Лукича имело вес в обществе – ведь он много лет был экономическим деятелем республиканского уровня. В 2013 году Волков даже был удостоен звания Почетного гражданина Республики Карелия, не говоря уже о других, более мелких наградах.

Стихи на русском языке А. Волков публиковал уже с 1959 года в газете *«Ленинская правда»*. В 1993 году вышла его первая книжка на карельском языке – *«Pieni Dessoilu. Runot, kiännökset»* («Маленькая Дессойла. Стихи, переводы»). В нее вошли 30 собственных стихотворений, а также переводы произведений русских авторов. Этой книгой Волков предстал и как поэт-ливвик, и как переводчик русской поэзии на ливвиковский язык. Книга *«Вечный огонь. Iguine tuli»*, вышедшая в 1998 г., как видно из её названия, содержит произведения как на русском, так и карельском языках. Сборники 2003 и 2008 гг. изданы на русском языке, поэтому я не буду сейчас на них останавливаться.

Чаще всего мы встречались с А. Волковым в Петрозаводске, где каждую осень проводилась конференция по языку и литературе, посвященная Дмитрию Бубриху. Я ездил туда выступать. В конце 2003 года, после утомительного рабочего дня на конференции, мы разговаривали у А. Волкова дома в многоэтажке по улице Пушкина, как он вдруг упомянул, что написал стихотворение, которое хотел бы перевести на другие финно-угорские языки и, конечно, на эстонский. Вопрос был в том, кто мог бы перевести его на эстонский. Я пообещал найти решение. Мне и в голову не приходило, что сам возьмусь за перевод. К тому же в содержательном плане стихотворение заставило меня лишь пожать плечами. Перечитав текст несколько раз, я понял, что в нем все-таки есть смысл, и он заключен в последней строфе. Я решил сделать подстрочный перевод, а на поэтический язык его переложит кто-то другой. А. Волков напомнил мне о своем желании на рождественской открытке. Время шло, а исполнение обещания никак не спорилось. Наступила весна 2004 года. Я посетовал, что не смог никого найти. От А. Волкова пришел короткий ответ: *«Ku et lövvä, kiännä iče!»* («Коли не можешь найти, переведи сам!»). Похоже, всю жизнь проработав большим начальником, этот человек не привык к возражениям.

Для курса карельского языка в Таллиннском педагогическом университете я перевел несколько стихотворений Владимира Брендоева и Сантту Карху и попросил студентов сделать то же самое. Теперь же нужно было учитывать, что текст будет опубликован в печати. Стоял знойный май 2004 года, когда, прокляв себя десятки раз, я закончил перевод. Не помню, как текст попал в Петрозаводск, возможно, по электронной почте, но увидев напечатанный текст, я, к своему великому огорчению, заметил, что он был кем-то переписан, причем было

допущено немало орфографических и прочих ошибок. Очевидно, ни язык, ни содержание стихотворения наборщику текста не были понятны. 16 августа 2004 года на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Таллинне я получил от А. Волкова авторский экземпляр книгу с посвящением: *«Sinul tämä kniigaine kallis Jaan Õispuu kunnivoičendan kel Aleksandr Volkov»* (Тебе эта книжечка дорогой Яан Ыйспуу с уважением Александр Волков).

Помимо оригинального текста, в издании содержатся русская версия (пер. Андрей Растрогуев), перевод на коми (пер. Владимир Тимин), а также на ливский и финский языки (пер. Юха-Ласси Таст). И мой на эстонский язык. В общей сложности на четыре финно-угорских и русский языки. В предисловии А. Волков отмечает, что Нина Зайцева перевела часть стихотворения на вепсский язык, и его фрагмент был опубликован в вепсской газете *«Kodima»*. Там же предисловии А. Волков выражает надежду, что «...стихотворение „Слово о ливах“ будет переведено и на другие финно-угорские языки».

В вышедшем в 2008 году втором издании «Слова о ливах» (Петрозаводск: Периодика) количество текстов увеличилось до 14: добавились тексты на венгерском (Ката Кубини), вепсском (Нина Зайцева), мансийском (Светлана Динисламова), марийском (Зоя Дудина), мокша (Рая Орлова), саамском (Александра Антонова), удмуртском (Алексей Ельцов) и ханты (Мария Вагатова) языках. Еще одно изменение по сравнению с первым изданием – перевод на финский язык здесь выполнен Армасом Хийри (Армас Мишин), в издании 2004 года – Юха-Ласси Тастом.

Летом 2008 года мы дважды встречались с А. Волковым. В конце июня мы оба участвовали во Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске. Там я получил второе, дополненное издание книги «Liivin virret» с посвящением: *«Яну Ыйспуу – соавтору этой книги, большому другу карельского народа – на добрую память»*. Дата: 30 июня 2008 г. Еще одно воспоминание из Ханты-Мансийска: там был недавно избранный президент Российской Федерации Медведев. Я спросил у А. Волкова, что он думает о новом президенте. Ответ был таким: «Он на пять сантиметров ниже Путина». Поди пойми, что А. Волков хотел этим сказать.

Когда в августе 2008 года мы посетили Карелию с Эстонским обществом учителей родного языка, я организовал встречу с А. Волковым в Петрозаводске. Там мне было поручено передать экземпляр книги президенту Эстонии Тоомасу Хендрику Ильвесу. Я сделал это через канцелярию президента. Через некоторое время со мной связались и попросили перевести благодарственный текст на ливвиковское наречие. По дипломатическим каналам благодарственное письмо было доставлено А. Волкову, который был очень горд и счастлив получить приветствие от президента Эстонии, тем более что 25 декабря того же года он отметил свое 80-летие. Литературное объединение *Karjalaine Sana* (Карельское слово), которое А. Волков считал своим детищем, также отметило свое 10-летие.

В одном из интервью А. Волков отмечал, что стихотворение «Liivin virret» посвящено ливам с целью привлечь внимание общественности к положению

ливского языка, а через него и к положению всех малых народов. Людей, говорящих на ливском языке, еще меньше, чем на ливвиковском (олонецком) карельском. Действительно, в последней строфе стихотворения (пусть и на ливвиковском наречии) ясно сказано:

Müö livviköt, l´üüdikot, liivit –
üöl kirrummo muailmal kaikel:
Miän kalmah on varuksis kivet,
no eliä müö tahtommo kaikin.

Двадцать лет назад над языковыми устремлениями финно-угорских и других народов России сгущались первые темные тучи, но нынешнюю политическую ситуацию с положением того времени не сравнить. Вряд ли кто-то в 2004 году мог предположить, с какими проблемами столкнется Европа двадцать лет спустя. Поэтому приведенные выше строки с каждым днем приобретают все более глубокий смысл.

Земной путь Александра Волкова оборвался 4 апреля 2020 года, когда весь мир охватила эпидемия короны. Знаю, что А. Волков похоронен на кладбище родной деревни, но, когда именно, я не выяснял. В любом случае, его не могли похоронить сразу после кончины из-за ограничений передвижения и прочих ограничений.

Мне не дает покоя ошибочное название *«Liivi lood»* (Ливские истории) в двух эстонских переводных книгах. Какой-то «наблюдательный» человек посчитал, что Яан Ыйспуу ошибся и напечатал *liivi* (ливский) вместо *livvi* (ливвиковский), «исправив» таким образом авторское название на неправильное. Так оно опубликовано в антологии *«Kuum öö»* (Жаркая ночь, 2006, стр. 25), а также в переводной книге А. Волкова *«Hilissügis»* (Поздняя осень, 2009, стр. 51). В последнем случае перевод позаимствован из «Жаркой ночи», поэтому ошибочное название попало и в сборник «Поздняя осень». И тем не менее. Для «Поздней осени» мы с Арво Валтоном перевели стихи из двух последних на тот момент поэтических сборников А. Волкова: я – из «Järvet Karjalan» (Озера Карелии), изданного на карельском языке в 2003 году, Арво – из «Тихого неба» (2008) на русском языке. По всей видимости, так ранее переведенный текст попал в новую книгу под ошибочным названием.

Что еще можно сказать о переводе?

Безусловно то, что переводы, сколько бы я ими не занимался, наводили меня на размышления о нюансах эстонской лексики, заставляли пролистывать или просматривать словарь синонимов в интернете или обращаться к «Толковому словарю эстонского языка» Андруса Сааресте. Переводя, я руководствовался тремя ключевыми словами: идея автора, ритм текста и тип рифмы.

Переводчик не может начать сам по себе блуждать с идеей автора, ему следует сначала попытаться уловить ее, а затем начать формировать ее на своем языке. Под ритмом я подразумеваю количество слогов в строке, соответствие длинных и коротких слогов с таковыми в языке оригинала. Соблюдение этого требования часто оказывается проблематичным. Как и соблюдение рифмы, поскольку поэзия А. Волкова и других ливвиковских поэтов его поколения, как правило, рифмованная.

Allikad / Источники

Дудина, Зоя 2012. *Кум томан ойпого*. Икымше том: Куанышым, куэм öндал. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газета» ООО.

Льöм ю: кывбуръяс, вуджöдöмъяс 2008. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола».

Орлова, Рая 2011. *Пацят: стихотвореният, сонетонь каштаз, поэмат, лия кяльста ётафтф стихотвореният*. Саранск: ИД «Книга».

Волков, Александр 2008. *Слово о ливах = Liivin virret: триптих*. Петрозаводск: Периодика.

Volkov, Aleksandr 2009. *Hilissügis*. Tallinn: Kirjastuskeskus.

Sisukord / Оглавление

livviko (Aunuse karjala) 4

eesti 5

handi 6

komi 7

liivi 8

mansi 9

mari 10

mokša 11

permikomi 12

soome 13

udmurdi 14

ungari 15

vene 16

vepsa 17

Kommentaar (Jaan Õispuu) 18

Комментарий (Яан Ыйспуу) 22

Allikad / Источники 26